

Завѣдомая неправда.

Галерея отрицательныхъ типовъ православнаго русскаго духовенства, созданная новѣйшимъ освободительнымъ движеніемъ, продолжаетъ пополняться. Въ декабрьской книжкѣ журнала «Народная Вѣсть» («Журналъ для всѣхъ»), въ рассказѣ Н. Тимковскаго «Въ домѣ пастыря», появился новый типъ, еще болѣе безобразный, еще болѣе тенденціозный.

Г. Тимковскій—писатель сравнительно изъ молодыхъ и пишетъ не особенно давно, но зато довольно много. Особенность его писательства—такъ сказать жанръ, изображеніе обыденной, повседневной жизни; но направленіе его крайне пессимистическое: онъ изображаетъ исключительно темныя и отрицательныя

стороны жизни—безысходную житейскую пошлость, семейныя дразги и ссоры, нищету и житейскія неприятности и злоключенія. Въ такомъ тонѣ онъ описалъ и годы своей учебной жизни *), заведеніе, въ которомъ воспитывался, и окружавшую его тогда среду—товарищей, воспитателей и учителей, не найдя среди нихъ почти ни одного, не говоря уже, свѣтлаго, но даже просто симпатичнаго типа. Будучи вообще писателемъ крайне либеральнымъ, онъ, съ появленіемъ новѣйшаго освободительнаго движенія, разумѣется, всецѣло примкнулъ къ нему, что доказываетъ между прочимъ и разбираемый нами рассказъ.

Нужно ли говорить, какъ тенденціозно самое заглавіе разсказа. «Въ домѣ пастыря», т. е. человекъ, который долженъ пасти словесныхъ овецъ, который долженъ руководить обществомъ, вести его за Христомъ, лить въ него—и словомъ, и собственной жизнью, и примѣромъ—свѣтъ евангельской истины и любви. Это съ одной стороны. Съ другой—«въ домѣ пастыря», т. е. вообще священника: это значить, что то, что происходитъ здѣсь, происходитъ, по утверженію автора, во всѣхъ вообще священническихъ домахъ, и выводимый имъ типъ священника есть общій типъ всего православнаго русскаго духовенства. Итакъ, какой же типъ хочетъ показать намъ авторъ, и что же происходитъ «въ домѣ пастыря»? А происходитъ слѣдующее.

Главные герои разсказа—это съ одной стороны городскій протоіерей и даже *благочинный*—о. Александръ Стигматовъ, съ другой—живущая у него племянница Клавдія. Это два полюса, два антипода.

О. Александръ—«небольшого роста, сухощавый, свѣжій и бодрый, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, старикъ, съ тонко насмѣшливымъ лицомъ, очень подвижными губами и надменно—гнусавымъ, не громкимъ, но чрезвычайно явственнымъ голосомъ, чистенькій, изящный и весь какой-то холодно—ясный, съ едва уловимымъ запахомъ благовоній, несвойственныхъ обыкновеннымъ людямъ, съ тонкими губами, съ тщательно подбритыми около нихъ усами; онъ и ѣсть, и молчитъ, и морщитъ носъ какъ-то особенно многозначительно... Въ его гнусливомъ тонѣ слышится одновременно что-то брезгливое и величаво—снисходительное... а въ глазахъ—много проницательности, но мало добродушія». Отъ его пристальнаго, недобраго взгляда всѣмъ становится не по себѣ. Даже кухарка Маѣрина, „попадая въ фокусъ

*) „Сергій Шумовъ“ (очерки гимназической жизни). „Русская Мысль“.

батушкиныхъ глазъ, багровѣла, начинала тяжело дышать и судорожно сжимала тарелки въ рукахъ: она благоговѣла предъ батюшкой и боялась его до ужаса... Да и всѣ кругомъ, начиная съ покойной матушки и кончая Макриной, привыкли трепетать предъ отцомъ Стигматовымъ: одни искренно благоговѣли предъ нимъ, другіе льстили, третьи просто боялись его, какъ простые люди боятся чорта или колдуна,—но всѣ одинаково сжимались въ его присутствіи, говорили вполголоса и чувствовали себя несовершеннѣйшими... Все въ квартирѣ о. Стигматова пропитано благоговѣйнымъ страхомъ предъ главою дома. Всѣ ходятъ съежившись и насторожившись. Младшихъ дѣтей о. Александръ бивалъ плетью, а старшихъ бранилъ какъ-то особенно жестоко и язвительно...

Прежде у о. Стигматова была довольно большая семья, но его невыносимый деспотизмъ погубилъ почти всѣхъ его семейныхъ. Умерла добродушная матушка. Старшая дочь Елена запросилась было у отца на медицинскіе курсы, но онъ затопалъ на нее ногами и потомъ долго травилъ ее злыми насмѣшками. Кончилось тѣмъ, что Елена перерѣзала себѣ горло. Ходили темные слухи, что она была влюблена въ медицинскаго студента, а отецъ хотѣлъ выдать ее замужъ за священника.

»Старшій сынъ Василій, тщедушный и худосочный, съ длинными и жидкими волосами, дѣлавшими его еще въ отрочествѣ похожимъ на послушника, однимъ видомъ своимъ наводилъ уныніе и скорбь. Онъ дрожалъ и весь замиралъ предъ отцомъ, заражая домочадцевъ своею трусостью и еще болѣе вселяя въ нихъ священный ужасъ предъ батюшкой. Отецъ прозвалъ его «Нетлѣннымъ» и каждый разъ отдергивалъ брезгливо руку, когда «Нетлѣнный», трепеща и обмирая, прикладывался къ его рукѣ своими мертвенными губами.—„Словно даетъ послѣднее лобзаніе“—говорилъ о. Александръ, морщась. За годъ до смерти матери «Нетлѣнный» постригся въ монахи: «съ испугу», по словамъ младшаго брата, Николая. Превратившись изъ Василія въ Варсонофія, «Нетлѣнный» сталъ какъ будто еще тщедушнѣе, и его черная фигура, появляясь въ двенадцатые праздники въ домѣ благочиннаго, безмолвно говорила всѣмъ о смиреніи, униженіи человѣка и ничтожествѣ всего существующаго».

Младшій сынъ, Николай, человѣкъ мятежнаго и неуступчиваго нрава, долго боролся съ жестокимъ деспотизмомъ отца, но подъ конецъ не выдержалъ, сталъ пить и, наконецъ, окончательно свихнулся и «ухнулъ въ бездну ночлежныхъ домовъ и

притоновъ». Осталась одна лишь младшая дочь Павла. Но это дѣвушка совсѣмъ въ другомъ родѣ: здоровая, красивая и уравновѣшенная. У ней въ головѣ нѣтъ никакихъ «пустыхъ» мыслей, въ родѣ курсовъ, и она одна не боится даже страшнаго отцовскаго взгляда. Поэтому она одна только и уцѣлѣла. Но и она тяготеетъ жизнью въ домѣ отца и мечтаетъ о выходѣ замужъ и уходѣ изъ отцовскаго дома. Въ настоящій моментъ время это очень близко, такъ какъ Павла просватана за консисторскаго чиновника Помпеева, и на дняхъ должна состояться ихъ свадьба. Помпеевъ—вполнѣ подѣ стать о. Александру и Павлѣ. Это молодой человѣкъ съ наивно-наглыми глазами, недалекій, но «подающій большія надежды», тотчасъ послѣ свадьбы получающій еще болѣе «хлѣбное» мѣсто, наглый, безцеремонный и во всемъ послушный о. Александру.

Но кромѣ Павлы, въ домѣ о. Александра живетъ еще его племянница Клавдія, дочь разстриженнаго за пьянство и скандальное поведеніе и давно уже шатающагося по ночлежнымъ домамъ дьякона. Это блѣдная, худая, сутуловатая, по близорукости носящая очки, дѣвушка лѣтъ 26—27. Клавдіи въ домѣ о. Александра приходится хуже всѣхъ. О. Александръ систематически травитъ ее своими язвительными насмѣшками, Павла и Помпеевъ открыто издѣваются надъ нею. О. Александра Клавдія боится до ужаса. Положеніе ея въ домѣ о. Александра еще болѣе ухудшается, когда она рѣшается отказаться отъ предложеннаго ей о. Александромъ жениха съ хорошимъ приходомъ. А рѣшается она на это потому, что полюбила ветеринарнаго врача Михалкина. Михалкинъ—революціонеръ, но человѣкъ безусловно хорошій и добрый, съ страстною любовью ко всѣмъ обездоленнымъ и униженнымъ. Онъ вытащилъ изъ притона Николая, вытрезвилъ его, одѣлъ, поселилъ въ своей маленькой, убогой квартиркѣ и, что всего важнѣе, поднялъ въ немъ сознаніе своего достоинства, жажду хорошей человѣческой жизни, и сдѣлалъ его своимъ восторженнымъ, фанатическимъ и дѣятельнымъ послѣдователемъ. Но у Михалкина вышло крупное столкновеніе съ о. Александромъ. Отъ надменныхъ словъ о. Александра, произнесенныхъ съ намѣренно обидной гнусавостью, Михалкинъ вспыхнулъ и такъ отчиталъ о. Александра, что тотъ чуть не въ первый разъ въ жизни растерялся и забылъ всѣ свои язвительныя слова; но за то, послѣ этого случая, возненавидѣлъ Михалкина такъ глубоко и «неугасимо», какъ только могъ ненавидѣть онъ одинъ, неспособный

прощать самой малой обиды». Клавдія видится съ братомъ Николаемъ и Михалкинымъ тайкомъ отъ домашнихъ, но тѣ догадываются и изводятъ ее разными шуточками; когда же она, по совѣту доктора, надѣваетъ очки, начинаютъ дразнить ее, будто очки прописалъ ей не докторъ, а ветеринаръ. Дѣвушка въ высшей степени религіозная, Клавдія страшно мучается своею любовью, да еще къ революціонеру, но мало-по-малу примиряется съ этимъ. Страсть захватываетъ ее всю, и она исполняетъ даже разныя нелегальныя порученія Михалкина. Но о. Александръ не дремлетъ. Вывѣдавъ отъ Клавдіи на исповѣди (всѣ домочадцы о. Александра обязательно должны исповѣдываться у него) все о ея любви къ Михалкину и о его дѣятельности, онъ, при помощи разстриги отца Клавдіи, дѣлаетъ въ полицію доносъ на Михалкина, и того арестуютъ вмѣстѣ съ Николаемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Помпеевъ, по порученію о. Александра, въ присутствіи Клавдіи, нисколько не стѣсняясь и не церемонясь, производитъ въ ея убогой комнаткѣ тщательный обыскъ, «раскрывая безцеремонно ящики стола, заглядывая въ книги и письма, и все это такими ловкими, увѣренными движеніями, что какъ будто онъ только и дѣлалъ всю жизнь, что производилъ обыски», а о. Александръ травитъ Клавдію вопросами: «какъ поживаетъ г. ветеринаръ? не имѣется ли отъ него какихъ увѣдомленій? или: «все о своемъ г. скотскомъ врачѣ тоскуете?» Все это доводитъ Клавдію до того, что она становится какою-то полумертвою: она сидитъ почти безвыходно въ своей комнаткѣ, боится итти въ столовую къ обѣду или чаю и ничего почти не ѣстъ, боится выйти на улицу, боится взять въ руки книгу или газету, боится разговаривать и охладѣваетъ даже къ церкви. «Ей просто скучно и тяжело стоять въ церкви, глядѣть, какъ о. Александръ возводитъ очи и руки къ потолку, слушать его гнусливый голосъ». Она даже отказывается говѣть, подъ предлогомъ нездоровья, и съ этихъ поръ насмѣшки надъ нею о. Александра становятся еще язвительнѣе, или, наоборотъ, онъ дѣлаетъ видъ, что совсѣмъ ее не замѣчаетъ. Клавдія пытается писать въ тюрьму Михалкину и брату (письма она отсылаетъ чрезъ Помпеева, потому что у нея нѣтъ другого способа отсылать письма, и потому, что Помпеевъ увѣряетъ ее, что знаетъ, какъ это дѣлается), но ни на одно изъ своихъ писемъ не получаетъ отвѣта, и это ее окончательно убиваетъ. О. Александръ между прочимъ злорадствуетъ надъ сыномъ и Михалкинымъ. — «Пусть посидятъ молодчики» — насмѣхается онъ.

Наступаетъ, наконецъ, день свадьбы Павлы. Въ домѣ идетъ предсвадебная суета. О. Александра нѣтъ дома. Клавдія въ глубокой задумчивости сидитъ въ своей комнаткѣ. Вдругъ передъ нею появляется Николай, только что выпущенный изъ тюрьмы, и начинаетъ упрекать ее за то, что она ниразу не навѣстила ихъ съ Михалкинымъ въ тюрьмѣ и не отвѣчала на ихъ письма. Тутъ только Клавдія съ ужасомъ убѣждается, что всѣ ея письма къ Михалкину и брату Помпеевъ передавалъ о. Александру, и что та же участь постигала и письма Михалкина и брата къ ней, и что самый арестъ ихъ есть дѣло того же о. Александра. Николай между тѣмъ продолжаетъ рассказывать, что Михалкинъ страшно тосковалъ въ тюрьмѣ по Клавдіи и все ждалъ писемъ отъ нея,—потомъ былъ сосланъ, дорогою простудился и умеръ... Клавдія бьется въ истерикѣ, дѣлая конвульсивныя усилія, чтобы не кричать громко, а то услышатъ внизу... Вдругъ появляется о. Александръ и выгоняетъ Николая вонъ изъ дома.

«У меня нѣтъ мѣста для острожниковъ» — гнуситъ онъ.

«Спасибо за все—цѣдитъ сквозь зубы, уходя Николай.— Крестъ-то напрасно носите»...—

Клавдія, сказавшись больной, не выходитъ къ свадебному столу, но потомъ, къ общему удивленію, вызывается ѣхать провожать молодыхъ на вокзалъ. Проводивъ молодыхъ, она бросается подъ поѣздъ...

«Такъ-то Праведный Судія караетъ за отступленіе отъ православной церкви...—пишетъ черезъ недѣлю послѣ этого Павлѣ, извѣщая ее о смерти Клавдіи, о. Александръ.—Не захотѣла Клавдія быть женою пастыря (хотя бы и сельскаго, но не въ бѣдномъ приходѣ), предалась душою извергамъ, уклонилась отъ таинства покаянія и отъ храма Господня,—и стерла ее съ лица земли карающая десница Всемогущаго... Знаменательный фактъ: очки Клавдіи были найдены невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ произошла катастрофа, и оказались цѣлехоньки... Знаменательно то, что Клавдія при жизни не снимала ихъ съ носа, а передъ кончиною сняла и бросила. Сіе значитъ: не захотѣла дерзновенно предстать въ очкахъ предъ Лице Всевышняго. Имѣяя уши слышать да слышитъ и, слыша, да разумѣеть!»

Изъ другихъ мѣстъ рассказа читатель узнаетъ еще и новыя подробности объ о. Александрѣ. Клавдія, напр., не смѣетъ даже называть его дядей, а зоветъ батюшкой. Даже руки у него имѣютъ какъ будто «насмѣшливый видъ». Даже наглый и тупова-

тый Помпеевъ не осмѣливается въ его присутствіи смѣяться и шутить съ невѣстой, и только передъ самой свадьбой дозволяетъ о. Александръ хохотать въ своей квартирѣ подругамъ Павлы. Покойная жена его всю жизнь тряслась предъ нимъ; дочь Елену онъ своей травлей довелъ до самоубійства, сына Василия запугалъ до того, что сдѣлалъ изъ него идіота.—Самое противное, самое презрѣнное для него слово—говорить о немъ Николай—это «гуманничать». Съ утра до вечера онъ только и дѣлаетъ, что «смакуетъ самого себя, любитъ своимъ умомъ, своимъ лицомъ, своимъ голосомъ» и т. д. Въ кабинетѣ у него есть шкафчикъ, куда онъ запираетъ лучшія вина и закуски, которыми и лакомится на сонъ грядущій. Когда разстрига, отецъ Клавдіи, дѣлается ему нужень, чтобы чрезъ него посредство упрятать въ тюрьму сына и Михалкина, онъ и его приглашаетъ къ этому шкафчику и всячески его ублажаетъ и ухаживаетъ за нимъ; а потомъ, когда разстрига ему болѣе уже не нужень,—и на порогъ къ себѣ не пускаетъ. Ласково и вкрадчиво вывѣдываетъ онъ у Клавдіи на исповѣди о Михалкинѣ и, губя ея жениха, вмѣстѣ съ роднымъ сыномъ, въ это время ласковъ съ нею. Онъ любитъ только собственную особу и презираетъ всѣхъ остальныхъ; пусть гибнетъ весь міръ, лишь бы только онъ остался. Такъ характеризуетъ его собственный сынъ Николай. И это городской (и, по-видимому, даже въ большомъ городѣ) протоіерей и даже благочинный, значить, человѣкъ въ нѣкоторомъ родѣ видный и даже выдающійся въ своемъ сословіи, — передовой и до нѣкоторой степени извѣстный, пользующійся въ нѣкоторомъ родѣ почетомъ и даже уваженіемъ, какъ видно и изъ разсказа. Каковы же, значить, рядовые, простые священники и чего *отъ нихъ-то* можно ожидать?.. Предоставляемъ читателю самому отвѣтить на этотъ вопросъ... Даже разстрига отецъ Клавдіи, человѣкъ окончательно опустившійся и пропившій безъ остатка совѣсть и честь, за водку губящій родную дочь, — не внушаетъ такого омерзѣнія.

Подъ стать о. Александру и зять... Наглый, тупой, но очень ловкій и искусный по части добыванія или, лучше сказать, выжиманія денегъ, производства обысковъ и прочихъ милыхъ вещей, подающій въ этихъ дѣлахъ «большія надежды» *консistorскій* чиновникъ — вотъ его избранникъ. И непременно *консistorскій*. Невольно вспоминается задорный щедринскій Прокопъ, который, желая обидѣть своего собесѣдника въ вагонѣ, язвительно спрашиваетъ его: «Въ консисторіи служите?»...

И наряду съ этими людьми съ другой стороны—святой революционеръ Михалкинъ, въ словахъ и дѣйствіяхъ котораго даже богобоязненной и почти до идіотства запуганной Клавдіи чувствуется «какая-то большая правда», и сама мученица Клавдія. Такъ относится къ православному русскому духовенству одинъ изъ многочисленныхъ представителей современнаго освободительнаго движенія. Съ нечеловѣческой злобой, потерявъ всякое чувство мѣры, онъ вывелъ въ широко распространенномъ, благодаря своей дешевизнѣ, журналѣ типъ іезуита и палача въ рясахъ,—типъ, которому позавидовалъ бы самъ Игнатій Лойола,—благо чернить такъ легко, и бумага, какъ извѣстно, все терпитъ. При этомъ—и самымъ заглавіемъ и вообще онъ старается доказать, что таково все православное русское духовенство. Но этимъ же самымъ онъ самъ обличаетъ себя во лжи... Комментаріи излишни...

Свящ. Н. Колосовъ.

(Моск. Церк. Вѣд.).

